… Я вхожу в метро на станции «Измайловский парк». Высокий, красивый и величественный зал. На фоне колонн — две высеченные из гранита скульптуры: — справа Иван Сусанин, слева Зоя Космодемьянская.

Всматриваюсь в лицо каменной девушки. И воспоминания переносят меня в далекие годы… Захотелось вернуться в те места, где когда-то дружила с девочкой, ставшей теперь скульптурой. Вхожу во двор школы № 201 имени Зои и Шуры Космодемьянских. Слева — небольшой мемориал сестре и брату. Встречает меня хранительница школьного музея Ирина Владимировна, приятная женщина. Сначала она ведет меня к «комнате Космодемьянских», обстановка которой сохранилась, и сахарница — образец «советского фарфора тридцатых годов, и дорожка на полу, подаренные мною музею много лет назад.

Тогда же, в начале семидесятых, я написала для музея воспоминания «Встреча с Зоей». С черновиками и рисунками дома и комнаты Космодемьянских ездила к Любови Тимофеевне, матери Зои. Она узнала меня сразу, узнала через тридцать с лишним лет.

Прочитала внимательно все написанное, посмотрела рисунки и наброски дома и комнаты, кое-что поправила, уточнила. Добавила: «Зоя в школе хорошо училась… К ней тянулись ребята…» Записки мои ей понравились, попросила перепечатать для нее на машинке один экземпляр…….

Ирина Владимировна повела меня на второй этаж, где прямо от лестницы начинается школьный музей, занимающий весь просторный коридор. На стенах — фотографии, у стены — застекленный стенд. Еще одна дверь, и мы в большой, вытянутой в длину комнате. Здесь множество экспонатов — фотографии, документы, макеты, знамена. И несколько альбомов, которые можно было бы собрать в огромную книгу отзывов. Сколько же их собралось за все годы существования музея, сколько в них теплых, проникновенных слов благодарности и восхищения подвигом юных Зои и Шуры!

Здесь собраны записи маленьких и взрослых посетителей музея, приезжавших со всех концов бывшего Советского Союза, из многих стран мира. Все эти годы Зоя и Шура были олицетворением лучших качеств молодежи нашего поколения. Даже смерть их была подвигом.

А я помню их обоих в довоенные годы. Судьба подарила мне встречу и дружбу с девочкой Зоей и знакомство с ее незаурядным братом Шурой.

Весной 1938 года, сдав школьные экзамены за пятый класс, я приехала к бабушке и

дедушке. Жили они в старом Коптеве, недалеко от Тимирязевского леса. Сейчас этот район неузнаваемо изменился: многоэтажные дома, асфальт. А тогда здесь была далекая окраина Москвы с маленькими деревянными домиками, узкими улочками, проселочными пыльными дорогами.

Дом моего деда стоял по соседству с двухэтажным строением, в котором жили Космодемьянские. Их разделял заборчик. Бревенчатый с зеленой крышей, с мезонином и ветхим балкончиком, дом дедушки, вместе с окружавшими его старыми деревьями, смотрелся в полузаросший пруд. Живописное зрелище!

Вокруг дома росли вишни и яблони, крыжовник и смородина. И конечно, в заборе был лаз, и соседские мальчишки доставляли дедушке много хлопот. Не обошел соблазн и Шуру Космодемьянского. А вот о Зое бабушка говорила: «Культурная девушка». И рассказала, что зимой, когда замерзает пруд, Зоя очень вежливо спрашивала разрешения покататься на коньках, и, конечно, ей разрешали.

Но об этом я узнала позже. А первые дни в Коптеве мне было очень скучно. В центре Москвы остался мой тесный, шумный двор, остались друзья. Здесь я была одна. За забором бегала и горланила детвора. Но я не решалась пойти туда.

Однажды взяла альбом, краски, села недалеко от забора и стала рисовать наш дом и его отражение в пруду. Увлеклась, не заметила, как у забора собралась компания. А потом услышала:

— Смотрите, какой великий художник появился в наших краях!

За забором озорно засмеялись. Я уже пожалела, что привлекла к себе внимание. Но вот вперед выступила рослая девчонка с косичками. Лицо ее было серьезно, а глаза смотрели дружелюбно:

— Ладно, девчонки, что вы, как дикари! Не видели, как рисуют? — И она приветливо обратилась ко мне:

— Можно я посмотрю?

Девочка проворно преодолела заборчик и подошла ко мне — стройная, загорелая. На вид ей было лет пятнадцать. Несколько минут она внимательно смотрела на рисунок:

— Мой брат тоже рисует. Хочешь, я тебе покажу его работы?

Я с радостью согласилась. По дороге мы познакомились. Она назвалась Зоей. Заочно я ее уже знала.

И вот мы поднимаемся по чистой деревянной лестнице на второй этаж Зоиного дома. Проходим коридор с рядом дверей. Открываем последнюю.

Небольшая комната с одним окном. Две кровати, стол, этажерка с книгами, печь. Чисто отмытые полы. Позже я заметила, что за порядком в доме следит Зоя. Она же почти целиком вела домашнее хозяйство: мать была занята работой в школе с утра до позднего вечера, а Шура хотя и имел некоторые обязанности по дому, частенько уклонялся от них.

Зоя усадила меня, достала альбом с Шуриными рисунками. Я рассматривала танки, пушки, корабли, изображенные уверенной рукой, детально и почти профессионально.

— У вас красивый дом. И дедушка такой черный и красивый. Вы, наверное, цыгане? И имя у тебя цыганское — Рада, — неожиданно заговорила Зоя.

Я удивилась:

— Почему цыганское?

— А ты разве не читала Горького «Макар Чудра?» Там есть цыганка Рада.

Горького я не читала. А имя мое имело другое происхождение. «Рада» — по-украински «Совет». А мои родители — родом с Украины.

— Обязательно почитай! — Зоя помолчала, а потом задумчиво сказала: — Какая гордая была девушка — умерла, не согнулась.

В комнату вбежал высокий, крепкий паренек. Зоя стала рассказывать ему что-то обо мне, протянула рисунок. Но он лишь мельком взглянул, сказал что-то вроде «Похоже…» и, забрав книгу, убежал. Это был Шура, Зоин брат. Я сразу поняла, что девчонки и сентиментальные пейзажи его не интересовали.

Брат и сестра были очень похожи: у обоих светлые глаза, чуть скуластые лица, смуглая кожа. Только Зоины черты — мягче, нежнее. Мне она показалась красивой. Видимо, сыграло роль ощущение внутреннего света, который детской душой воспринимается особенно чутко.

О Шуре у меня осталось впечатление, что он не по годам серьезен (правда, это не мешало ему участвовать в шумных и озорных мальчишеских играх или часами упражняться на турнике), чувствовался в нем характер напористый и волевой.

Теперь я стала полноправным членом соседнего двора. Меня признали. Конечно, главную роль сыграл в этом Зоин авторитет. Она, может быть, незаметно для себя, была лидером среди девчонок, хотя многие из них были старше ее.

Любимой игрой во дворе считался «штандер». Игра заключалась в том, что водящий бросал вверх мяч, выкрикивая имя одного из игроков. Пока названный ловил мяч, все старались убежать как можно дальше, потому что поймавший мяч должен был теперь попасть в кого-либо из игроков. Игра была очень азартной, но Зоя и здесь выработала свою тактику.

— Не нагибайся и не прячься, — советовала она мне.

— Становись боком и держи руки по швам. Подбери живот. Тогда в тебе никто не попадет, даже если близко стоишь. Сама Зоя была удивительно проворной и ловкой. Вечером, вдоволь набегавшись, мы усаживались на сваленные во дворе бревна. К нам присоединялись и мальчишки. И начинались длинные, захватывающие рассказы. Каждый выкладывал все самое интересное, что знал. Чаще всего рассказчиком была Зоя: она много читала, многим интересовалась. Шура больше слушал.

Обсуждались и международные события. Мы спорили: будет война или нет? Этот вопрос всех очень волновал. Европу захватывали фашисты. Что-то тревожное повисало над миром. В кинотеатрах шли «Семья Оппенгейм» и «Профессор Мамлок». Зоя негодовала: зачем один народ уничтожает другой? Кто дал им это право? Чем они лучше тех, кого убивают?

Она рассказывала о героях книги Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», добрых, умных и доверчивых, как дети.

— В каждом народе есть честные и справедливые люди, и есть мерзавцы, которые знают только себя, — горячо и убежденно говорила Зоя.

Вообще малейшую фальшь и неискренность Зоя всегда чувствовала безошибочно. И с редкой прямотой говорила об этом в глаза. Но не помню, чтобы кто-нибудь обижался на нее за это. Дружить с Зоей было легко. С ней можно было вполне откровенно говорить обо всем и быть уверенной: дальше Зои это никуда не пойдет.

Часто сидя на бревнах, мы пели. Дружно, самозабвенно.

— А неплохо мы поем, — заключила Зоя. — Давай, Радка, какую-нибудь украинскую!

Я, смущаясь, затянула что-то дрожащим голосом. Зоя выручила: подхватила песню, ее поддержали девчонки, и получилось довольно ладно.

Но вот начало смеркаться. Кусты и деревья приобретали таинственные очертания. Явственнее слышались малейшие шорохи. И наши рассказы сами собой переходили в «страшные» истории.

Особенно поразил меня «Вий» Гоголя, выразительно пересказанный Шурой. Несмотря на легкую ироничность его интонации, волосы у меня на голове шевелились от ужаса… К действительности нас возвращал голос кого-нибудь из родителей: «Пора домой»!

Постепенно девочки разъезжались на лето кто куда. Мы с Зоей остались одни. Пользуясь погожими днями, ходили в лес, на озеро. Бабушка полностью доверила меня Зое. В Тимирязевском лесу она чувствовала себя хозяйкой. Как-то показала мне небольшой, но щедро цветущий куст акации:

— Он совсем погибал, а мы весной отвели к нему ручеек от канавы, и он ожил.

Она говорила о деревьях и кустах, как о живых, все понимающих существах, и я с новым, пристальным интересом начала всматриваться и вслушиваться в природу.

— Смотри, какой огромный дуб, — говорила Зоя. — Он, наверное, очень старый, устал, даже ветки опустил. Но не сдается. Хочет еще послужить, укрывать людей своей тенью, радовать могуществом…

Как-то, еще в начале лета, на озере нас застала сильная, внезапно налетевшая гроза. Вся детвора мигом оказалась под деревьями.

— Что вы делаете! — вдруг крикнула Зоя. — Под деревьями нельзя стоять, когда молния!

Она схватила меня за руку, и мы под проливным дождем побежали домой. Было жутко и весело бежать, разбрасывая вокруг теплые брызги.

В прилипших, мокрых платьях мы появились на пороге Зоиной комнаты. Уютно горел свет. Шура читал. Посмотрев на нас, он невозмутимо сказал:

— Сушитесь, я отвернусь.

Мы развесили платья, затопили печку и нырнули под одеяло. Через некоторое время Шура так же невозмутимо посоветовал:

— Возьмите утюг и погладьте платья, а то вы до утра будете сушиться.

Зоя взяла чугунный утюг и стала набирать в него угли из печи. Утихла гроза, и вскоре я, страшно довольная, явилась пред очи своей заждавшейся бабушки…

… Жара… Мы, босоногие, идем по пыльной дороге.

— Какая мягкая пыль и теплая. — Зоя слегка топает ногой, и облачко, похожее на дым, поднимается за нами.

— Дымовая завеса, — объясняет Зоя.

Подходим к ларьку. Надо купить все, что велела Зоина мама, и еще выкроить на конфеты — разноцветные липкие подушечки. С краюхой теплого черного хлеба они кажутся еще вкуснее.

Как-то Зоя повела меня довольно далеко, через пустырь, к небольшой красивой и чистенькой дачке.

Нас встретили мальчик и девочка — Зоины одноклассники. Оба черноволосые, очень откормленные и холеные. Они мне не понравились: показались высокомерными. Пока Зоя говорила с ними о школьных делах, я смотрела по сторонам. Дом был заставлен дорогими вещами.

Мне стало не по себе. Дело в том, что я с родителями жила в большом «писательском» доме, часто бывала в квартирах своих сверстников — детей поэтов и писателей. У них все было скромно и просто. Роскошью казались лишь стеллажи, заполненные книгами. Здесь же кричал и лез в глаза достаток.

На обратном пути я сказала Зое о своем впечатлении. Она спокойно выслушала и ответила:

— Ну и что ж, ребята не виноваты. Вещи покупают родители, они и одевают их, и холят. А сами ребята очень интересные, начитанные, много знают.

Мы вернулись в Зоину комнату, чистую и просторную. Казалось, она улыбнулась нам, и Зоя рассмеялась:

— Нет лучше дома!

Часто Зоя расспрашивала меня о доме в Проезде Художественного театра, где я жила, о добром и веселом поэте Светлове, о Голодном, Асееве…

Поэзию Зоя знала и любила, много стихов знала наизусть. Мои же литературные познания были очень скромны, несмотря на такое счастливое соседство. И я завороженно слушала, как Зоя читает стихи.

… Вот мы стоим по колено в воде, в нашем пруду, и Зоя брызжет на меня прохладной, пахнущей тиной влагой. Я отвечаю тем же. Мы хохочем. И вдруг она останавливается, становится серьезной:

— Ну ладно, хватит. Давай я лучше прочту тебе строки Багрицкого.

Зоя выпрямилась, минуту помолчала, потом тихо и взволнованно начала:

— Валя, Валентина,

Что с тобой теперь?…

Очень выразительно читала Зоя светловскую «Гренаду». Она хотела приехать к нам, в Проезд МХАТА, увидеть тех, чьи стихи так нравились ей.

— Какая ты счастливая, — говорила она мне, — ты же можешь видеть их каждый день…

Интересы Зои были разносторонними. Она собирала открытки с репродукциями картин русских художников. Часто мы разглядывали их, мысленно ходили по залам Третьяковской галлереи и мечтали побывать там.

С трепетом говорила пятнадцатилетняя Зоя о театре, о любимых актерах. Охотно участвовала в самодеятельных спектаклях. Недалеко от леса стоял дом с просторным чердаком, его ребята приспособили под домашний театр. Зоя пригласила меня на одну из репетиций, а потом и на представление. Мы шли, как в настоящий театр, нарядно

одетые, взволнованные. Юные «артисты» играли всерьез, и мы хлопали им без удержу. Зое в этой пьесе досталась роль маленькая, но она отнеслась к ней с большой ответственностью, как, впрочем, и ко всему, за что бралась. Специально для спектакля Зоя сшила себе театральный костюм и очень переживала:

— Как ты думаешь, я не испортила впечатление своим нарядом? — спрашивала она после спектакля.

Как-то вечером мы пошли в клуб. Привезли киноленту «Катерина» с участием знаменитой Франчески Гааль. У кассы собралась большая очередь. В основном это были мальчишки-подростки. Они курили, сплевывая, и громко переговаривались неокрепшими басками. Заробев, мне захотелось уйти подальше от такой компании. Но Зоя успокоила меня:

— Я их знаю. Это у них напускное, для важности.

Спокойно подойдя к мальчишкам, она попросила их купить для нас билеты:

— Только возьмите нам места отдельно от вас. А то не посмотрим фильм как следует, так вы шумите…

Ребята молча выслушали критику в свой адрес и выполнили просьбу.

В кино Зоя переводила мне текст: я была не только моложе, но и ниже ее ростом, и титры не были видны. Да и Зоя на них почти не смотрела — она неплохо знала немецкий.

Обратно возвращались вдвоем, но было слышно, что позади, как бы охраняя нас, следуют мальчишки.

— Вот видишь, — удовлетворенно сказала Зоя, — они ведут себя прилично, а ты о них плохо думала. Среди них есть смелые ребята, надежные… -Эти качества в мальчишках Зоя очень ценила.

… Осень. Лужи. Мы в калошах. Рядом со мной — незнакомо повзрослевшее лицо. Зоя за лето еще больше вытянулась. Ушло что-то угловатое, прибавилась «взрослость».

Листья обильно устлали землю. Мы перешагивали через лужи, шли по мягкой, шуршащей листве. Прощались с летом. А это всегда немного грустно. Вот мы уже в глубине леса. Кругом никого. Вспоминаем летние происшествия, забавные случаи,

интересные встречи. Говорим о том, что через несколько дней — учиться.

Обратно идем с яркими букетами осенних листьев. Зоя лазала за ними на деревья, выбирала самые красивые…

Открываю свою калитку, оглядываюсь. Зоин букет еще долго мелькал между деревьями… Прощай!

… Вернувшись из эвакуации в 1943 году, я с подругой Юлей Тарасовой, без ведома родителей, пошли в райком комсомола проситься на фронт. Нам тогда не было и семнадцати. В просьбе отказали. Мы со слезами на глазах твердили: хотим отомстить за страшную гибель нашей подруги Зои… Нас записали и пообещали позвать в случае необходимости. Мы ждали… Когда началась война с Японией, снова напомнили о себе. К счастью, военные действия скоро закончились.

… Я вхожу в метро на станции «Измайловский парк» и мысленно говорю каменной девушке, как живой:

— Зоя, помнишь?… Мы с тобой…